

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ К.Н. УАДАЕВА (УАДАТИ ХЪУБАДИ)

Цаллагова И.Н.¹

¹ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВШЦ РАН и РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, Проспект Мира 10, e-mail: soigsi.ru

---

В статье в зоне исследовательского интереса оказывается фольклорно-этнографический материал, записанный от сказителя К. Н. Удаева, который привлекается в качестве основного источника диалектологической информации. Рассматриваемые тексты представляют особую ценность для историко-лингвистического анализа некоторых языковых явлений в говорах дигорского варианта осетинского языка, так как в них зафиксированы фонетические, лексико-семантические и грамматические средства народно-разговорной дигорской речи второй половины XIX в. и начала XIX в. территориально прикрепленные к Донифарскому обществу. В работе выделены и описаны некоторые отличительные особенности языка рассматриваемых текстов. В ходе лингво-диалектологического анализа автором прослежены некоторые явления, связанные с семантическим развитием лексем, утратой некоторых значений в глаголах широкой семантики, и с архаизацией некоторых грамматических форм.

Ключевые слова: осетинская диалектология, дигорский вариант осетинского языка, фольклорный текст, Донифарское общество.

LINGUISTIC COMMENTARY TO FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC MATERIALS OF K. N. UADAEV (UADATI K'UBADI)

Tsallagova I.N.¹

¹Federal State Budget Institution of Science North Ossetik Institut of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev of the Vladikavkaz Sciences Centr of the Russia Sciences Academy and the Government of North Ossetia - Alania (362040, Vladikavkaz, Prospekt Mira 10), e-mail: soigsi.ru

---

This article studies the folklore-ethnographic material recorded from the narrator K.N. Uadaev, who was involved as the main source of dialectological information. The texts under consideration are particularly valuable for historical and linguistic analysis of some linguistic phenomena in the dialects of the Digorian version of the Ossetian language because the phonetic, lexical-semantic and grammatical means of folk-spoken Digorian language of the second half of XIX century and the beginning of the XIX century that were territorially attached to Donifars society are fixed in it. The article identifies and describes some of the distinctive features of the language in the texts under consideration. In the course of linguistic and dialectological analysis, the author observes some of the phenomena associated with semantic development of lexemes, loss of certain meanings in the verbs of general semantics, and archaization of certain grammatical forms.

Keywords: Ossetian dialectology, Digorian version of the Ossetian language, folklore text Donifars society.

Многочисленные наблюдения над устно-поэтическим текстом доказывают прямую зависимость лексико-семантического и стилистического своеобразия фольклорного произведения от места его бытования и фиксации. На языковую специфику фольклорного произведения оказывает влияние, наряду с индивидуальным исполнительским предпочтением, принадлежность этого произведения к определенной областной эпической традиции [7].

Объектом нашего анализа является фольклорно-этнографический материал К.Н. Удаева, предметом – территориальные особенности использования некоторых лексем осетинского языка.

В качестве основных методов исследования использовались описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении языковых фактов и их характеристике.

Предметом нашего исследовательского интереса являются современные говоры дигорского варианта осетинского языка. В этом контексте для нас представляют несомненный интерес фольклорные тексты, записанные в различных районах Осетии и в разные временные отрезки. Данная статья посвящена лингво-диалектологическому анализу фольклорно-этнографических текстов, записанных известным собирателем осетинского фольклора Г. Дзагуровым от сказителя К.Н. Удаева (Уæдати Хъубади) в 1924 г. [8].

Анализируемый материал включает в себя интересные варианты текстов нартовских сказаний, народных сказок и кратких рассказов о жизни населения Донифарского и Тапан-Дигорского обществ. Он содержит не только богатый фольклорный и этнографический материал, но и является исключительным лингвистическим материалом по говору осетин-дигорцев Донифарского общества.

К. Н. Удаев родился в горной Дигории, в селении Донифарс, в 1842 году. Почти всю жизнь он прожил там и лишь в последние годы жизни переселился на равнину в с. Лескен Ирафского района РСО-Алания. К. Н. Удаев превосходно знал свой родной язык, легко говорил на балкарском и кабардинском языках, в то время как не знал русского языка.

Селение Донифарс являлось центром Донифарского общества, одного из четырех обществ располагавшихся в Дигорском ущелье. Донифарское общество состояло всего из трех селений: Донифарс, Лезгор, Кумбулта. Оно занимало территорию между р. Билагдоном и Лезгорским урочищем на левом берегу Уруха, у самого выхода из Дигорского ущелья. В конце XIX века все население общества насчитывало 1276 человек обоего пола, из которых 643 человека проживало в селении Донифарс [5, с 35-36]. В отличие от других дигорских обществ – Стур-Дигорского, Уаллагкомского и Тапан-Дигорского, – население Донифарса отличалось демократическим устройством. Донифарцы отличались высоким уровнем самосознания, сплоченности и свободолюбия, они противопоставляли себя населению Тапан-Дигории, в особенности баделятам, что нашло отражение в текстах, записанных от К. Н. Удаева. Об обособленности донифарцев, еще во второй половине XVIII века, сообщает русский офицер Л. Л. Штедер. После посещения Дигорского ущелья он отметил, что донифарцы «уже в течение нескольких столетий отделились от остальных дигорцев, жили в демократическом государственном устройстве и ... соседи считали их непобедимыми» [11, с. 64]. Этот факт, безусловно, должен был способствовать появлению каких-то особенностей в говоре населения Донифарского общества.

На сегодняшний день в этих селах практически никто не живет, что увеличивает ценность этого материала. К тому же, Г. Дзагуров оговаривает тот момент, что все тексты

записаны им в неизменном виде, что еще больше повышает их значение для лингвистических исследований.

Как известно, фольклорный текст привязан к родному диалекту и в то же время остро реагирует на общезыковую ситуацию. Этим обусловлен интерес лингвистов к произведениям народного творчества, особенно к тем, которые зафиксированы в разных диалектных регионах на конкретном этапе истории народа [6]. Известный исследователь фольклорной диалектологии И.А. Осовецкий, отмечал, что «традиция изучения фольклорного текста как явления устного словесного творчества опирается на понимание языка фольклора как сложного по генезису образования, где диалектически сплавлены его образующие, т. е. и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответствующих диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема национального языка» [7, с. 66-68].

Язык старинных песен и былин нередко включает в себе такие архаизмы, которые давно утрачены в обыденном языке данной местности, а с другой стороны, в нем могут отражаться также черты говора той местности, откуда занесена песня: как известно, фольклорное произведение, зародившееся в одной местности, нередко продвигалось в другие местности, часто охватывающие большую территорию [2, с. 240].

Фольклорно-этнографический материал К. Н. Удаева является практически единственной фиксацией дигорского языка того периода, территориально прикрепленной к Донифарскому обществу.

Прежде всего, нужно отметить, что большой интерес представляет значительное количество архаической лексики, которую мы обнаружили в рассматриваемых текстах:

– **одежда и обувь, пища и напитки:** *зæнгæйттæ* – ноговицы; *хулуццаг кæрдзин* – хлеб из сырого ячменя; *зæтхин кæрдзин* – овсяной хлеб; *фæхсун* – выпотрошенная туша барана, сваренная целиком;

– **домашняя утварь:** *урундухъ* – кресло; *хускъадонæ* – деревянная бочка; *санс* – клей; *синон* – кубок, бокал; *саугъæ* – ценный подарок; *къустелæ* – маленькая кадка и т. д.

– **сословная терминология:** *badeliat* – высшее сословие в Дигорском обществе, феодалы Тапан-Дигории и Уаллагкома; *særgæsata* – феодалы Стур-Дигории; *унæут* – служанка; *хъумайаг* – жена из низшего сословия; *фæрсаг адам* – сословие свободных крестьян;

– **терминология, относящаяся к военной тематике:** *æстæр* – поход; *тъасхæ* – разведать, разведка; *хъатара* – патронташ; *целхъ* – вид клинкового оружия, *сон* – син. *знаг* – враг;

– **военные укрепления:** *хъалаур мæсуг* – караульная башня;

– **другие:** *пелеуан* – силач (ср. ир. *пелуан*, диг. *пелиуан*); *енцег / æнцег* – «воспитанник» (слово связано с распространенным в прошлом у народов Кавказа аталычеством); *феддаен* – плата, выплата, подать; *адгор* – сокращенное от сложного глагола *йади корун* – 1) заемщик; просящий займы; одалживающий; 2) одолжение; 3) должник;

С древнейших времен Северный Кавказ славился своими лошадьми, здесь было выведено несколько пород, главным образом, верховых. На сегодняшний день многие из них, в том числе и осетинская лошадь, исчезли либо потеряли значение [3]. В данных текстах встречаются названия пород лошадей, которые сейчас уже не существуют: *кокциуалае*, *алаепп*, *таераен*, *мистрагъ*.

Кроме этого, в текстах довольно частотным явлением является такая архаическая грамматическая форма, как вставка элемента **-æl-** в формах множественного числа, например: *гъæукувдтаелтае* «общественные пиры (ср. ед. ч. *гъæукувд*, мн. ч. *гъæукувдтитæ / гъæукувдтае*); *ностаелтае* «снохи» (ср. ед. ч. *ностае*, мн. ч. *ноститæ*), *галавгæрстæлтае* «жертвоприношения быка» (ср. ед. ч. *галавгæрст*, мн. ч. *галавгæрститæ*), *цихтаелтае* «сыры» (ср. ед. ч. *цихт*, мн. ч. *цихтитæ*) и т. д. Напомним, что данное явление характерно для обоих вариантов осетинского языка (дигорского и иронского), но если в иронском оно обнаруживается только при образовании формы множественного числа в некоторых терминах родства, основа которых заканчивается на *-d*, *-t* (*мад* – *мадаелтае* «мать – метери»; *фыд* – *фыдаелтае* «отец – отцы»; *æрвад* – *æрвадаелтае* «брат – братья»), то в дигорском обнаруживается целый ряд слов с данной вставкой. Следует отметить, что А. Дз. Цагаевой, во время первой диалектологической экспедиции в Лескенский и Зольский районы Кабардино-Балкарской Республики в 1956 году, данное явление определено как особенность говора жителей с. Озрек [9]. В этой связи надо отметить, что современные жители селения Озрек являются потомками выходцев из Дигорского ущелья, а именно из селений Донифарс, Кумбулта и Кета [10].

Лингвистов издавна интересовали вопросы, связанные с семантическим развитием лексем: утрата некоторых значений и появление новых в диахроническом процессе языковой эволюции. Этимологические единицы являются богатным языковым материалом для исследования семантической проблематики [4].

В анализируемых нами текстах обнаруживается использование глаголов в значениях, которые в современном осетинском языке уже утрачены.

Скажем, осетинский глагол широкой семантики ир. *wasyn* / диг. *wasun* в иронском имеет значения: 1) «свистеть», «играть (на свирели, трубе и т. п.)»; 2) о звуках издаваемых самими различными животными; 3) в дигорском, кроме вышперечисленных имеется еще значение – «огласить», «громогласно объявлять», «провозглашать» [1]. В современных

говорах дигорского диалекта глагол *wasun* потерял значение «огласить». Однако в фольклорно-этнографических текстах, записанных от К.Н. Удаева данный глагол активно используется именно в этом значении, например: *Сырдон къуæцæл амадта æма уæдта сæ еуей (уæйуги) рауаста ма ин загъта ....*– Сырдон строгал (обтесывал) палку и затем окликнул одного из них (великанов)...[8, с. 32]; *Дууæ лæги кæрæдзей ку рауаса....* – Когда два человека друг друга окликают... [8, с. 30] и т. д.

Осетинский глагол ир. *styn* / диг. *istun* в дигорском имеет значения «стоять», синонимично *læwwyn*; *æristun* «остановиться», «стать»; в иронском – «вставать, подниматься»; *systyn* «встать»; *festyn* «вскочить (с места)», «стать (кем, чем)», «обратиться, превратиться (в кого, во что)»; *rastyn* «выступить», «восстать», «встать»; *rastad* «восстание» [1].

В современном дигорском глагол *istun* в значении «стоять», «находиться» практически полностью заменен синонимом *læwwyn*, хотя в словарной статье, посвященной этому глаголу, В. И. Абаевым отмечено, что в значении «стоять» в дигорском чаще используется глагол *istun* [1]. Отметим, что осетинский глагол ир. *læwwyn* / диг. *læwwyn* имеет значения: 1) стоять, пребывать, оставаться, выдерживать, устоять; 2) ждать; 3) сохраняться, не изнашиваться (об одежде), не портиться (о продуктах).

Причастие настоящего времени *stæg* «стоящий» мы находим в лексикализованном диг. *урдугистæг* «виночерпий» (букв. «стоящий прямо»).

В текстах, записанных от К. Н. Удаева мы видим полную палитру значений глагола *styn*, он используется как в значении «стоять, находиться», так и в значениях «встать, превратиться, оказаться», например:

*Сырдон Уазай бæрзондмæ иссудæй æма **истадæй** уоми...*– Сырдон поднялся на вершину Уаза и стоял (находился) там...[8, с. 28]; *Бæлæстæ цадæмæ бахæссуй æма сæ кæрæдзæбæл рæнгъитæй ниццурхуй, æхуæдæг ба сæ буни балæсуй æма æхсæвай-бонмæ сæ буни **фестуй*** – Относит деревья к озеру и складывает их друг на друга, сам залезает под них и находится там всю ночь [8, с. 18]; *Æртиккаг хатт ку **фестадтæн...***– Когда я встал в третий раз... [8, с. 13]; *Æдта куй **фестæ!*** – Тогда превратись в собаку...[8, с. 13]; *Цæун байдæттонцæ æма Нартигъæумæ исхъæрдтæнцæ æма гъæуи фæсте **нистадæнцæ*** – Начали они идти и когда добрались до села Нартов за селом остановились [8, с. 24] и т. д.

В данных дигорских текстах встречаются некоторые иронские формы, что само по себе является удивительным, так как на тот период контакты были довольно ограничены, тем не менее, мы имеем: *фæлтау* (ср. диг. *уой бæсти*) «вместо этого», *фæндаг* (в диг. *над*) «дорога», *хуæрзбонæ* (ср. ир. *хæрзбон*, диг. *дзæбæх уотæ*) – букв. «хорошего вам дня», *кæугæ цæмаен кæнис* (ср. диг. *кæугæ цæмае кæнис*) – «почему ты плачешь», *хускъ гъог* (ср. диг. *хускъæ гъог*)

– корова не дающая молока, *искъуард кодта* (ср. ир. *къорд*, диг. *къуар* «группа») – букв. «создал группу людей», в том же значении встречается слово *ракъуар аенца* и т. д.

По результатам описания и анализа имеющихся материалов можно сделать вывод, что фольклорные тексты, территориально прикрепленные к определенному месту и временному периоду, могут выступать убедительным свидетельством семантических и грамматических перемещений и преобразований, непосредственно связанных с эволюцией языка.

Список сокращений:

Диг.– дигорский вариант осетинского языка

Ир. – иронский вариант осетинского языка

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти томах, Т. I. М.-Л.:Изд-во АН СССР, 1958. –665 с.; Т. II. Л.: Наука, 1973. – 448 с.; Т. III. Л.: Наука, 1979. – 358 с.; Т. IV. Л.: Наука, 1989. – 325 с.; Т. V. М.: 1995. – 448 с.
2. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М.: – 1949. – 333 с.
3. Багаев А.Б. Осетинская порода горной лошади // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5; URL: www.science-education.ru/119-14430 (дата обращения: 07.11.2014).
4. Гурова Ю.И. Семантическая эволюция глаголов путешествия, странствия, скитания по суше субъекта в неограниченном пространстве в английском языке. // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011.9 (111) – С. 74-78.
5. Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 1971. – 355 с.
6. Мелетинский Е.Н., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятия жанра в фольклоре. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. – С. 39-104.
7. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. – С. 66-78.
8. Удаев К. Н. Осетинское народное творчество. – Владикавказ: Ир, 2012. – 139 с. (Ос. яз.)
9. Цагаева А.Дз. Некоторые особенности озрекского говора. – Орджоникидзе, 1959. (Отдельный оттиск из "Известий СОНИИ". Т.21. Вып.4).
10. Цаллагова И.Н. Основные тенденции в динамике развития озрекского говора дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3; URL: www.science-education.ru/103-6503 (дата обращения: 07.11.2014).

11. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году Штедером // ОГРИП. Орджоникидзе: Сев.Ос. кн. изд-во, 1967. – С. 27-70.

Рецензенты:

Гацалова Л.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г.Владикавказ.

Парсиева Л.К., д.фил.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г.Владикавказ.